

УДК 811.161.1'42'23

Д.В. Майданюк

ТИПЫ ЛОГОЭПИСТЕМ В НАРРАТИВЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

Майданюк Д.В.

ТИПЫ ЛОГОЭПИСТЕМ У НАРРАТИВІ І. ІЛЬФА ТА Є. ПЕТРОВА

У статті розглядається логоепістема як особлива лінгвокультурологічна одиниця, що функціонує в семантичному просторі художньої картини світу в наративі письменників-сатириків першої половини ХХ століття І. Ільфа та Є. Петрова, і яка відображає креативний по-

© Д.В. Майданюк, 2013

менціал співавторів та впливає на когнітивні здібності читача в процесі сприймання художньо-го твору.

Ключові слова: лінгвокультурологія, логоепістема, нарратив, культурний фон, художня картина світу.

Майданюк Д.В.

ТИПЫ ЛОГОЭПИСТЕМ В НАРРАТИВЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

В статье рассматривается логоэпистема как особая лингвокультурологическая единица, функционирующая в семантическом пространстве художественной картины мира в нарративе писателей–сатириков первой половины XX века И.Ильфа и Е.Петрова, которая отражает креативный потенциал соавторов и возбуждает когнитивные способности читателя в процессе восприятия художественного произведения.

Ключевые слова: лингвокультурологія, логоепістема, нарратив, культурний фон, художественная картина мира.

Maidaniuk D.

**THE TYPES OF LOGOEPISTEMES
IN ILF AND PETROV'S NARRATIVE MODE**

The article discusses how logoepisteme as a special unit of Cultural Linguistics, which operates in the semantic space of the world view (conception of the world) of literature in a narrative of satirical authors of the early twentieth century Ilf and Petrov, shows the creative potential of joint authors and stimulates the cognitive abilities of the reader in the perception of a piece of art.

Key words: Cultural Linguistics, logoepisteme, narrative, cultural background, world view of literature.

Цель данной работы – выявить особенности функционирования логоэпистем в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова. Поставленная цель обусловила постановку следующих задач: выявить особенности логоэпистемы как единицы текстологического описания, а также провести классификацию логоэпистем, использованных в рассказах И. Ильфа и Е. Петрова.

Предложенная модель анализа логоэпистем в нарративе Ильфа и Петрова может быть применена к произведениям других авторов.

Практическая значимость данного исследования видится в возможности применения результатов анализа и полученных выводов при обучении иностранных студентов русскому ливгострановедению, чтению русских художественных произведений, а также в курсе стилистики и лингвистики текста.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется усиленным интересом к языковым единицам, отражающим сложный процесс взаимосвязанного развития национальной культуры и языка. Являясь составляющими когнитивной базы носителей языка, рассматриваемые единицы обладают широким ассоциативным потенциалом и делают речь экспрессивной и эмоционально окрашенной.

Учёные ищут рациональный подход к слову как единице языка, обеспечивающей взаимопонимание в диалоге культур. Предложено несколько терминов для обозначения такой единицы: «лингвострановедчески ценная единица» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), «лингвокультурема» (В.В. Воробьёв), «культурно-этнологическая еди-

ница» (Л.А. Шейман), «прецедентный текст» (Ю.Н. Караулов).

Одной из наиболее удачных терминологических и методологических находок последних лет можно считать выделение *логоэпистемы* как существенной категории в парадигме научного знания, функционирующей на уровне языка и культуры. Этот термин предложили В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова. Он составлен по модели образования терминов «фонема», «морфема» из греческих корней «логос» (в богословско-философском смысле — язык, речь, учение, смысл) и «эпистема» (сочетание, стема идей, ведущая к знанию, пониманию). Речь идет о знании, которое несёт некоторая языковая единица с её скрытой «внутренней формой», индивидуальной культурной историей и собственными связями с национальной культурой.

Появление логоэпистемы как нового термина и понятия вызвало дискуссии лингвистов и методистов. Некоторые считают, что по своей природе логоэпистемы – это общее название таких языковых единиц, как слово, словосочетание, фразеологизм, крылатое выражение и прецедентные тексты, обеспечивающие культурную и страноведческую информацию. Однако, авторы этого термина отмечают, что «логоэпистемы несводимы к известным лингвистическим категориям: это не слово или словосочетание, не фразеологизм или клише, не метафора или аллегория и т.д.; это знание, «несомое словом как таковым» – его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [3, с. 7].

В.Г. Костомаров и К.Д. Бурвикова отмеча-

ют, что реальность таких единиц культурного знания, необходимого для адекватного пользования изучаемым языком, с самого начала интуитивно ощущалась разработчиками лингвострановедческих работ – работ, стремящихся методически осмыслить изучение языка в естественных для него культурных условиях, т.е. соизучение иностранного языка и соответствующей культуры [4].

Под логоэпистемами принято рассматривать «разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы, которые являются стандартным типом языковой реакции на внешние стимулы» [5, с. 37].

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова характеризуют логоэпистему с разных точек зрения. Так, с точки зрения лингвистики логоэпистема обладает следующими признаками:

- имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, предложении, сверхфразовом единстве;
- характеризуется отнесенностью к конкретному языку;
- является указанием на породивший её текст или ситуацию;
- в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется;
- в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения познаваемости; в этом случае она приобретает текстобразующую силу.

С точки зрения культурологии логоэпистема характеризуется:

- наполненностью некоторым знанием культурного характера;
- семиотичностью и символичностью, поскольку является элементом системы знаков и символов, используемых обществом;
- герменевтичностью, так как для её понимания требуется соотнесение с иными текстами как артефактами культуры;
- дидактичностью, так как овладение ею возможно в процессе получения образования в смысле «врастания» в культуру.

Эти признаки логоэпистемы указывают на то, что она является материальным воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, примет, представлений. Логоэпистема передает особенности национального характера, будучи единственным способом его наивной экспликации.

Таким образом, логоэпистема – это «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры» [5, с. 39].

Логоэпистемы усваиваются в процессе

социализации и являются средством познания действительности. Учёные предлагают несколько оснований для классификации логоэпистем, подходя к ним с разных позиций.

Классификация логоэпистем, предложенная Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомаровым [2], содержит следующие виды рассматриваемого явления:

1) логоэпистемы оценочные: *Александр Македонский – герой, но зачем же стулья ломать?* (Н.В. Гоголь, «Ревизор» – осуждение слишком решительных действий);

2) логоэпистемы-прислова: *Бойцы вспоминают минувшие дни* (А.С. Пушкин, «Песнь о вешем Олеге» – говорится в ситуации присутствия при чьем-либо воспоминании);

3) логоэпистемы побудительного характера: *Танцуют все!* (кинофильм «Иван Васильевич меняет профессию» – говорится в ситуации призыва к любым коллективным действиям);

4) логоэпистемы, отражающие определенную житейскую мудрость: *Ах! злые языки страшнее пистолета!* (А.С. Грибоедов, «Горе от ума» – говорится в атмосфере сплетен и клеветы).

Однако, данная классификация, на наш взгляд, не имеет единого основания.

Нам представляется возможным говорить о выделении в нарративе Ильфа и Петрова следующих типов логоэпистем:

1) логоэпистема-антропоним, наименования реально существующих лиц. В этом типе выделяется несколько подтипов:

а) имена и фамилии известных писателей: *Алексей Толстой, Гладков, Сейфуллина, Леонов, Олеся, Фадеев, Афиногенов, Зоценко* (– *Значит, так: Алексей Толстой, Гладков, Сейфуллина, потом на Л... ну, который «Сотьсаранчуки»... да, Леонов. Ещё Олеся, он это здорово умеет. Парочку из пролетарских поглавнее, Фадеева и Афиногенова на предмет пьесы. Для смеха можно Зоценко, пусть сочинит чего-нибудь вроде «Аристократки», но в разрезе сахарной свеклы. Хорошо бы ещё критика вовлечь. Они пусть пишут, а он их пусть тут на месте критикует* [Когда уходят капитаны], *Исбах, Балзак* (– *Ах, – говорит утомленный редактор, – Исбах далеко не Балзак, но этот Подпругин такой уже не Балзак!* [Когда уходят капитаны]);

б) имена и фамилии известных художников: *Рубенс, Айвазовский, Куинджи* (... не художник, а такой, что ли, своеобразный переводчик. Он делает «юберзецен»). Он переводит. Одним словом, он изготовляет фальшивых *Рубенсов, Айвазовских, Куинджи* и других мастеров кисти [Королевская лилия]), *Веронезе* (– *Наконец-то, наконец у меня есть настоящий Веронезе. Ах, как я люблю именно Веронезе! Сколько воздуха!*

[Королевская лилия]), **Верещазин** (– Вы что к нам, в качестве Гончарова? – строго спросил молодой командир. – Так точно, на фрегат «Красный Кавказ». – Что-то вас много. Сразу три Гончарова. – Один – художник. – Ага, значит два Гончарова и один **Верещазин** [Начало похода]);

в) имена и фамилии известных артистов: **Мейерхольд** (– Вот вы тут сидите и ни черта не делаете, – сразу начинает здоровяк в капитанской форме, – а между тем происходят события огромной важности. **Мейерхольд** сползает в мелкобуржуазное болото! Если я человек живой, так сказать, сделанный из мяса, я этого так не оставлю. [Когда уходят капитаны]);

г) имена исторических лиц–путешественников: **Христофор Колумб**, **Америго Веспуччи** (– Понимаете, **мистер Колумб**, – втолковывали новые посетители, – мы хотим, чтобы вы играли главную роль в историческом фильме «**Америго Веспуччи**». Понимаете, наступающий **Христофор Колумб** в роли **Америго Веспуччи** – это может быть очень интересно. Публика на такой фильм пойдет [Колумб причаливает к берегу]);

д) имена исторических лиц–политиков: **Бонапарт**, **Людвик-Солнце** (Покупатель очень доволен. Настоящие бурбонские лилии! Не какие-нибудь пчелы узурпатора **Бонапарта**, а настоящие лилии **Людвика-Солнца** (того самого – «после меня хоть делюже – потоп!» [Королевская лилия]), **Чжан Цзо-лин**, **У Пей-фу** (Ему не интересны интимные делишки мадам **Клейстер**, но зато его очень интересуют взаимоотношения **Чжан Цзо-лина** и **У Пей-фу** [Семейное счастье]);

е) имена и фамилии известных учёных, изобретателей, общественных деятелей: **Склифасовский** (– Туманно, туманно, – сказал начальник, – ах, как все туманно! Конечно, **Склифасовский Склифасовский**, но для государства это не подходит. Я платить не буду [Здесь нагружают корабль]), **Профессор Пикар** (**Профессор Пикар** приехал в Варшаву. Я бы лично никогда не полетел в стратосферу. Хоть вы меня озолотите... [Лентяй]), **Карл Маркс** (**Жоржик** удручен. Он не хочет райских яблочек, он хочет исторического материализма. Ему не нужен дедушка-машинист, ему нужен **Карл Маркс** [Семейное счастье]).

2) логоэпистема–антропоним, наименование литературных и мифологических персонажей: **Шахерезада** (персонаж **Шахерезада Федоровна Шайтанова** в рассказе Ильфа и Петрова «1001 день, или Новая Шахерезада»), **Плюшкин**, **Гарпагон** (– Простите меня, товарищ Кошачий, но вы просто сквалыжник. Самый обыкновен-

ный скупердай. Такой, извините меня, обобщенный тип даже описан в литературе. Вы – **Плюшкин!** **Гарпагон!** Да, да, и, пожалуйста, не возражайте. У вас тяжелая привычка всегда возражать. Вы **Плюшкин**, и все [Широкий размах]).

3) логоэпистемы–топонимы: **Версаль**, **Тюильри** (**Ах**, однажды в **Версале!** **Ах**, **Тюильри!** **Ах**, мадам **Рекаме** на бамбуковой скамье! [Королевская лилия]), **Берлин** (– **А!** **Иностранец!** **А ну**, повернись-ка! **Да-а**. Это матерьял. Не то что наш. В **Берлине** покупали. [Гослото]).

4) логоэпистемы–наименования артефактов интеллектуальной деятельности (названия книг, художественных произведений): «**1001 день, или Новая Шахерезада**» (отсылка читателя к названию персидского сказочного цикла «Тысяча и одна ночь»), «**Горе от ума**» (**Беда** произошла не оттого, что **Посиделкин** был глуп. Нет, скорее он был умен. В общем, произошло то, что уже бывало в истории народов и отдельных личностей, – **горе от ума** [Бронированное место]), «**Граф Монте-Кристо**» (**Не понимаете? Тогда мы вам сейчас все объясним подробно. У нас есть сценарии. Сценарий сделан по роману Александра Дюма «Граф Монте-Кристо», но это не важно, мы ввели туда элементы открытия Америки** [Колумб причаливает к берегу]), «**Последний из могикиан**» (заглавие одного из фельетонов 1927-го года), **Робинзон** (один из фельетонов соавторов носит название «Как создавался Робинзон»), «**Соть**», «**Госпожа Бовари**» (**Жарко**. По летнему времени трудно сочинить нечто массивное, многословное, высокохудожественное, вроде «**Соти**»). Тянет написать что-нибудь полегче, менее великое, вроде «**Мадам Бовари**» [Литературный трамвай]), «**Былое и думы**», «**Время, пространство, движение**» (Читали Никулина? – «**Время, пространство, движение**»? Читал. Мне нравится. Совсем как Герцен стал писать. Просто «**Былое и думы**» [Литературный трамвай]).

Логоэпистемы, функционируя в семантическом пространстве художественной картины мира в сатирико-юмористическом нарративе начала XX века, отражают креативный потенциал писателя и возбуждают когнитивные способности читателя в процессе восприятия художественного произведения. С другой стороны, логоэпистемы вносят в текст смеховое начало. Функционируя в семантическом пространстве текста, они усиливают эстетически значимые свойства языковых единиц. Нередко именно логоэпистемы, являясь «маргинальным знаком, адекватное понимание которого предполагает ориентировку и в области кода (языка), и в области сообщаемой этим кодом информации (культуры)» [1, с. 48], позволяют более

точно определить эстетическую роль художественного образа.

В русском сатирико-юмористическом нарративе начала XX века логоэпистемы создают широкий культурный фон, позволяя читателю воссоздать ситуацию социального развития. Наиболее часто в этой функции употребляются логоэпистемы-номинации: имена и фамилии известных писателей, художников, артистов, политиков, названия литературных произведений, имена персонажей. Введение таких единиц в сатирический нарратив создает ситуацию комического противопоставления: – *Калоши я не ношу! Дешевое удовольствие! Калоши носит в Москве только один человек – Михаил Булгаков* [Принцметалл].

Таким образом, проведенное исследование показало достаточно высокий уровень употребления логоэпистем в художественной картине мира Ильфа и Петрова. Логоэпистема усиливает комический тон повествования и заставляет читателя провести когнитивные (в данном случае литературные) ассоциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров // Филологические науки. – 2006. – №2. – С. 45–53.
2. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 2006. – С. 25–28.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2002. – 84 с.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом, 1994. – № 1, С. 73–76.
5. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.